

Е. В. Сартаков

Гоголь и сербская драматургия: «Подозрительная личность» Бранислава Нушича*

Исследователями давно отмечено, что творчество Н. В. Гоголя оказало значительное влияние на развитие славянских литератур в XIX и XX веках¹: он был одним из самых популярных русских писателей в славянских странах. По справедливой мысли Л. Н. Будаговой, «Гоголь – современник национального возрождения большинства славянских народов, когда они особенно интенсивно и жадно впитывали чужой творческий опыт»². И особенно важен в этом контексте, конечно, опыт русской литературы: интересу к ней явно способствовало распространение примерно с середины XIX в. панславистских идей и русофильских настроений в славянских странах.

Однако рецепция Гоголя среди зарубежных славян достаточно еще не изучена. Лучше всего – и это закономерно – проанализированы связи творчества Гоголя и польской литературы; много сделано, чтобы понять, как влияло оно на чешскую литературу³; значительно меньше изучены связи гоголевского творчества с болгарской литературой; малоизученным остаются и его влияние на сербских литераторов⁴. Это тем более странно, что, по общему признанию русских и сербских славистов, произведения Гоголя сделали огромный вклад в развитие сербской литературы⁵. Сербский литературный критик Йован Скерлич (1877–1914), названный «сербским Белинским» (по своему значению в истории сербской критики и по симпатии к западному социализму), писал о восприятии творений Гоголя: «Поколение семидесятых годов, воспитанное в презрении к бюрократии,

* Статья помещена в авторской редакции.

должно было любить автора “Ревизора”. Влияние Гоголя на сербскую литературу в целом <...> было весьма сильным»⁶.

За самый короткий срок после первой публикации повести «Сорочинская ярмарка» в журнале «Српске новине» (1849)⁷ её автор получил заслуженное признание сербского читателя. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1859 г. в редакционной заметке журнала «Српски летописи» было выражено пожелание, чтобы все написанное Гоголем было переведено на сербский язык⁸. И за последующие 20 лет были переведены почти все его художественные произведения⁹. По мнению некоторых сербских исследователей, можно даже говорить о «гоголевском периоде» в сербской литературе XIX в.¹⁰

Далее мы коснемся лишь одного случая влияния Гоголя на сербскую литературу – в частности, на творчество блестящего сербского писателя, драматурга, публициста и общественного деятеля Бранислава Нушича (1864–1938), чьи комедии до сих пор с успехом идут по всему миру. Его долгая жизнь (писатель отдал национальному театру и литературе более 50 лет, оставив обширное наследие в различных жанрах) отражает исторические противоречия и перипетии, пережитые Сербией в конце XIX – начале XX веков. Он начал свою творческую деятельность в обреновичевской Сербии (и даже был приговорен к двухлетнему тюремному заключению за оскорбление короля), а завершил свой путь в королевстве Югославии накануне Второй мировой войны.

В русской славистике утвердилась мысль, что существенное влияние на становление Нушича-драматурга оказало творчество Гоголя. Так, Ю. А. Брагин прямо называет Нушича «сербским учеником Гоголя»¹¹, а Л. Сонцева в статье «Бранислав Нушич и его комедии» считает пьесу «Подозрительная личность» сербским вариантом «Ревизора»¹². Но сербские исследователи менее категоричны. Отмечая генетическую связь комедии «Ревизор» и произведений Нушича 1880-х годов, Р. Йованович в монографии о сербском драматурге отмечает, что, хотя его творчество «вдохновлялось Гоголем, особенно... “Ревизором” <...> Похоже, однако, что “Подозрительная личность” – комедия прежде всего Нушича, а уже потом Гоголя»¹³. Хотелось бы проанализировать, в какой мере и что было усвоено Нушичем из драматургии Гоголя, и прежде всего – из комедии «Ревизор».

Очевидно, следует начать с истории знакомства Нушича с этой комедией. Ее премьера прошла 1 февраля 1870 г. в Национальном театре Белграда, при этом использовали рукописный перевод Ж. Йовичича. Впервые перевод «Ревизора» был напечатан в журнале «Стража» (октябрь 1878 – январь 1879). Отдельное издание комедии вышло в 1880 г., ее перевел последователь Светозара Марковича публицист Пера Тодорович (1852–1907). В послесловии «От переводчика» он писал: «Если “Ревизор” в сербском переводе *только рассмешит* сербских читателей, тогда я должен плакать по потерянному времени и труду, затраченному на перевод этой книги, так как моя главная задача при переводе “Ревизора” – заставить сербских читателей *задуматься*: есть ли сходство и в какой

степени наши чиновники похожи на тех, которых изобразил Гоголь? Где лекарство против зла, рождаемого бюрократизмом?.. “Ревизор” дает богатый материал для серьезных и глубоких размышлений. Если сербские читатели хотя бы на минуту задумаются над этой чиновничьей, не скажу испорченностью, но умственной и моральной низостью, изображенной Гоголем, тогда мой труд над переводом “Ревизора” не будет напрасным¹⁴. Этот подход к переводу, названному Скерличем «агитационной брошюрой против бюрократической системы в Сербии»¹⁵, очевидно повлиял на восприятие гоголевской комедии Нушичем. За всю его жизнь она выдержала на сцене Белграда семь разных постановок (1870, 1882, 1901, 1902, 1904, 1909 и 1921)¹⁶.

Называя Гоголя в ряду «самых популярных» русских писателей, Нушич указал, что «Гоголь был писателем всей тогдашней молодежи, вдохновлявшейся его острой сатирой, особенно той, которая относилась к русской бюрократии <...> Наше общество, особенно бюрократия, было похоже на изображенное в “Ревизоре” настолько, что Гоголь считался едва ли не нашим отечественным писателем»¹⁷. Комедии Нушича высмеивают общество, где жажда власти, чинов и денег приводит к подкупу, шантажу, оговорам и коррупции. Комические ситуации возникают в ловком переплетении семейных и политических сфер.

Особенным влиянием творчества Гоголя отмечена уже упомянутая комедия Нушича «Подозрительная личность / Сумњиво лице» (1888). Симптоматично, что он дал ей подзаголовок «гоголиада в двух действиях», позже замененный на нейтральное «комедия в двух действиях». Действие ее происходит в провинциальном сербском городе 1880-х годов. Сюда из министерства приходит секретная депеша, что в уезде появилась «подозрительная личность, которая имеет при себе революционные и антидинастические письма»¹⁸. Перед окружным начальником Еротие Пантичем, если он поймает «подозрительную личность», открываются перспективы получить очередной чин и повышение по службе. Выгоду для себя видят в поимке этой «личности» и все его подчиненные. Так, писарь Вича стремится использовать ситуацию, чтобы сорвать очередной куш с местных купцов. Вместе с подчиненными Еротие разрабатывает план поимки «опасного революционера» и, после всевозможных перипетий, арестовывает робкого влюбленного – аптекаря Джоку, приехавшего в уездный город на тайное свидание с дочерью Еротие.

Очевидно, в общем виде фабула пьесы Нушича повторяет сюжет «Ревизора». В основе конфликта – ошибка чиновников, которые принимают «фитюльку» за значительное лицо (у Гоголя – ревизора, у Нушича – революционера). Завязка обоих конфликтов совпадает: чиновник читает полученное письмо, в котором сообщается о скором приезде в город «подозрительной личности». Также совпадает и развязка: чиновники по очереди читают вскрытое письмо, где даются нелицеприятные характеристики представителям городских властей. Перед нами традиционный бурлескный прием, когда герой читает вслух письмо только до того момента, пока не доходит до собственной характеристики, после чего письмо вырывает следующий...

В «Ревизоре» почтмейстер перлюстрирует письмо Хлестакова к «душе Тряпичкину» с известными характеристиками: городничий «глуп, как сивый мерин», Шпекин «подлец, пьет горькую», Земляника – «совершенная свинья в ермолке», Хлопов «протухнул насквозь луком» (IV, 91–92) и т. д. В «Подозрительной личности» Еротие находит у аптекаря Джоки письмо своей дочери Марицы, в котором она называет отца «глупым и ограниченным» (с. 193), а Вичу, которого ей навязывают в мужа, – «тощим верзилой, похожим на петуха <...> пройдохой и первоклассным жуликом, от которого стонет весь уезд» (с. 195).

При похожем построении конфликта очевидно прямое соответствие персонажей в образной системе. Прежде всего укажем на параллель Сквозник-Дмухановский – Еротие Пантич. Еротие – глава города, которым полновластно распоряжается, сделавшись главарем целой корпорации мошенников и грабителей. Авторская характеристика, данная Сквознику-Дмухановскому, полностью может быть перенесена на образ Еротие: «Человек этот более всего озабочен тем, чтобы не пропускать того, что плывет в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть поостроже на жизнь или же осмотреться получше на себя. Из-за этой заботы он стал притеснителем, не чувствуя сам, что он притеснитель, потому что злого желанья притеснять в нем нет; есть только желанье прибирать всё, что ни видят глаза» (IV, 113). Примечательно, что у Нушича герой сначала работал почтмейстером, но был уволен за то, что читал чужие письма: «Есть люди, которые любят чужих цыплят, есть такие, что любят чужих жен, а я люблю чужие письма» (с. 135). Почтмейстер Шпекин – страстный любитель чужих занимательных пассажей в письмах – занимался тем же.

Параллель Хлестаков – Джока более сложная. В гоголевской комедии Хлестаков представляет тип столичного франта, который в Петербурге «жуирует» напропалую. А Джока – невыразительный, запуганный влюбленный молодой человек. В сюжете роль его пассивна: он сидит в гостинице и ждет возлюбленную, когда его арестовывают и доставляют в полицейский участок. Но образ и характер у него такие же, как у Хлестакова, – мнимая «подозрительная личность». Таким образом, главное, что сближает две комедии, – это построение интриги. Хорошо известная в отечественном гоголеведении «миражная» интрига «Ревизора» не нуждается в представлении: эту характеристику разрабатывали еще В. Г. Белинский и Ап. Григорьев. Работы на ту же тему о комедии Нушича нам неизвестны, хотя «миражность» ее интриги не менее очевидна.

Главное настроение чиновников Гоголя – страх перед ревизором, боязнь возмездия за свои грехи. Этот Страх настолько велик, что они принимают «лгунишку и подляшку» (XIII, 128) Хлестакова за ревизора, и потому их действия в основном сводятся к тому, чтобы скрыть следы своих преступлений, при этом они сами откровенно рассказывают о себе и своих пороках. Тот же прием использует Нушич. Он показывает активные действия чиновников, занятых выслеживанием и поимкой революционера. Главное их настроение – стремление выслужиться перед начальством, получить

повышение по службе. Они тоже охвачены страхом, но страх их иного рода, чем в «Ревизоре». Они боятся не раскрытия своих грехов, а того, что *упустят* подозрительную личность, а вместе с ней свои чины и награды. Как страх перед городничим «сделал» Хлестакова ревизором, так карьеризм Еротие Пантича «сделал» невинного Джоку преступником, революционером.

Ошибка чиновников в комедии «Ревизор» и естественна, и психологически оправдана. Всё это достаточно мотивирует их поступки: нам понятны поспешные старания «отца города» кое-как прикрыть «дыры и прорехи». Иными словами, обстоятельства сложились так, что щеголеватого отставного чиновника из Петербурга можно было признать ревизором в свете полученного городничим письма (кроме того: «...и денег не платит и не едет <...> в тарелки к нам заглянул». – IV, 20) и – в дальнейшем – произвольного поведения Хлестакова. В комедии «Подозрительная личность» ошибка чиновников тоже психологически мотивирована, но объективно совершенно неестественна. Забитый Джока никак не может быть революционером и постоянно об этом говорит (в то время как Хлестаков играет предложенную ему роль, не догадываясь, правда, за кого его приняли). Но именно этим и доказывается чудовищная глупость и ограниченность чиновников, их одержимость в погоне за чинами и преступное равнодушие к людям. Если бы в характере Джоки было что-то дававшее хотя бы малейший повод заподозрить его в какой-либо причастности к делам революционеров, то поведение чиновников получило бы оправдание. Именно в невозможности для обычного человека совершить такую ошибку и обвиняли потом автора критики, хотя в том-то и заключалось своеобразие комедии. Но ее внешнее неправдоподобие, нелепость, неестественность ошибки существенно отличаются, на наш взгляд, от мотивировок в комедии Гоголя.

С ней пьеса Нушича расходится еще в целом ряде моментов. Главное – обилие здесь приемов *грубой комики* (Derb Komisches). В «Ревизоре» они также присутствовали¹⁹, однако Нушич усиливает подобные бурлескные приемы. Первое письмо (завязка комедии) уже создано с использованием элементов грубой комики. Подчиненные Еротие ошиблись при расшифровке письма из министерства, поэтому Пантич читает следующий текст: «Голубая рыба. Откормленная династия. Паровоз, округ, пук, пук, пук. Заря, приклад, владыка, фонарь, бедро свояченицы, бубен, печать, пенсия, поп» (с. 139). Чиновники хранят нижнее белье в материалах уголовных дел, подкладывают друг другу кнопки на стулья, читают вслух рецепт от запора, найденный в кармане помощника аптекаря Джоки. Причем Еротие уверен, что «запор» – что-то антидинастическое: «Ага, ага, вот здесь-то кое-что и может быть. Заголовок совсем политический: “Против запоров”» (с. 191). Все это можно объяснить вероятным расчетом автора на восприятие пьесы, прежде всего, демократическими кругами – в то время как Гоголь создавал комедию «для всех».

Таким образом, едва ли можно говорить о Нушиче как о «прямом ученике» Гоголя, а о его комедии – как о «переделке» «Ревизора»²⁰. Нушич

близок к Гоголю, однако это не Гоголь, а именно Нушич. Оттого, что Нушич в «Подозрительной личности» использовал фабулу «Ревизора», он не стал подражателем Гоголя. К гоголевским традициям он ближе всего не в прямых заимствованиях, а там, где проявляет творческую самостоятельность в решении идейных и эстетических задач. Гоголь помог ему проявить собственную индивидуальность и лучше решить свои особые, подсказанные сербской действительностью задачи.

Вместе с тем без учета влияния Гоголя на сербскую драматургию этого периода её понимание останется неполным. Взгляд на театр как на «кафедру, с которой можно много сказать миру добра» (VIII, 268), характерный для писателя, был востребован рождавшимся сербским театром, который складывался как серьезная общественная сила. Это проявлялось в последовательном отстаивании национальной культуры. Когда, например, в 1859 г. жители г. Темишвар обратились к губернатору за разрешением создать театральную труппу, он категорически заявил: «У вас, сербов, театр не просто бродячее общество, которое из нужды, чтобы прокормиться, ходит из города в город. У вас есть цель воспитывать народ в героическом духе, пробуждать сознание и гордость, воодушевлять его во имя всего сербского и народного»²¹.

Тем не менее анализ показывает, что Нушич воспринимал Гоголя довольно односторонне. В тот период развития сербской литературы Гоголя в основном понимали как сатирика, разоблачавшего бюрократизм и взяточничество чиновников. Подобная рецепция Гоголя была обусловлена работами Белинского и Чернышевского, а в Сербии – Светозара Марковича, прямого последователя Чернышевского. И такая традиция продолжалась вплоть до начала XX в. Достаточно вспомнить статью В. Раича в журнале «Покрет» (1902) к 50-летней годовщине смерти Н. В. Гоголя, – статью, в которой великий русский писатель оценивался, прежде всего, как борец с тиранией и угнетением человека.

Представляется, что изучение рецепции гоголевского творчества сербской литературой и литературной критикой следует продолжить, поскольку эта тема не исчерпывается только творчеством Нушича. Совершенно прав сербский театральный критик Р. Здравкович, писавший в 1902 г. по случаю 50-летней годовщины смерти Гоголя: «“Ревизор” так хорошо известен нашей публике, что очень трудно найти человека, который не знал бы о Добчинском и Бобчинском и об удивительной аванюре Хлестакова и его слуги Осипа. Это комедия, которая давно у нас в репертуаре, является любимой и действительно самой популярной комедией»²².

Примечания

¹ См., в частности: Н. В. Гоголь и славянские литературы / Отв. ред. Л. Н. Будагова. М., 2012.

² Будагова Л. Н. Восприятие Гоголя в литературах западных и южных славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб.

науч. статей. М.; Новосибирск, 2012. С. 59. В 1888 г. в сербской газете «Позориште» были опубликованы статистические данные о том, что национальных пьес в репертуаре было только 91 (из 473), шли главным образом пьесы, переведенные с французского и немецкого: соответственно – 190 и 131. Переведенных русских пьес было 9, в том числе и «Ревизор» Гоголя (*Глигорић В.* Позоришта у Србији // Књижевност. 1950. № 7–8. С. 14).

³ Следует сказать, что чехи раньше других славянских народов заметили и стали переводить Гоголя. Первые сведения о нем появились в 1837 г. в журнале «Кветы», а его первым произведением, переведенным на чешский язык (и вообще на иностранный), была повесть «Тарас Бульба», опубликованная тем же журналом в 1839 г. в переводе В. Запа.

⁴ См. содержательные в целом статьи соответствующих разделов в упомянутом выше коллективном сборнике «Н. В. Гоголь и славянские литературы». Так, 5 статей были посвящены теме «Гоголь в Польше», 8 статей – «Гоголь в Чехии», 2 статьи – «Гоголь в Болгарии». И хотя тема «Гоголь в Сербии» отдельно не представлена, но 4 статьи посвящены теме «Гоголь в Сербии и Хорватии».

⁵ *Хватов А.* Бранислав Нушич. М.; Л., 1964. С. 13; *Вулетић В.* Н. В. Гоголь и српска књижевна оријентација пре једног века // Зброник Матице српске за славистику. Нови Сад, 1976. Књига 10. С. 27; *Попович Т.* К вопросу о рецепции Гоголя в сербской литературе // Н. В. Гоголь и русская литература. К 200-летию со дня рождения великого писателя. Девятые Гоголевские чтения. М., 2010. С. 426 и др.

⁶ *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност 1848–1874 // *Скерлић Ј.* Сабрана дела: Књ. I–XIII. Београд, 1966. Књ. X. С. 256.

⁷ По смерти Гоголя в 1852 г. этот журнал опубликовал некролог, в котором творчество русского писателя оценивалось очень высоко.

⁸ *Скерлић Ј.* Омладина и њена књижевност 1848–1874... С. 289.

⁹ Подробнее о ранних переводах Гоголя на сербский язык см.: *Иванић М.* Помен Гогољу // Нова искра. Бр. 3. 1902. С. 89; *Погодин А.* Руско-српска библиографија 1800–1952. Књ. 2. Београд, 1936.

¹⁰ *Милидрагович М.* Гоголь у сербов во второй половине XIX века // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1975. С. 82–89.

¹¹ *Брагин Ю. А.* Гоголь в Сербии // Славянская филология: Сб. статей. Вып. 3. М., 1960. С. 118.

¹² *Солнцева Л.* Бранислав Нушич и его комедии // *Нушич Б.* Комедии. М., 1956. С. 11.

¹³ *Јовановић Р. В.* Бранислав Ђ. Нушић: живот и дело. Београд, 2012. С. 34–35.

¹⁴ *Гоголь Н.* Ревизор. Нови Сад, 1880. С. 78.

¹⁵ *Скерлић Ј.* Писци и књиге // *Скерлић Ј.* Сабрана дела. Београд, 1955. Књ. II. С. 80.

¹⁶ *Косанович Б. Н.* В. Гоголь на сербской сцене // Н. В. Гоголь и славянские литературы... С. 443. По подсчетам профессора А. Вранеш, с 1870 по 2010 год в Белграде было 96 различных постановок «Ревизора».

¹⁷ *Нушић Б.* Дела. Београд, 1957. Књ. IV. С. 137. Примечательно, что в 1935 г. в Белграде состоялся съезд Союза русских писателей и журналистов за рубежом, и 9 марта в зале Коларчева народного университета Нушич выступил с докладом «Гоголь у нас / Гоголь код нас». Однако найти текст доклада пока не удалось. Пользуясь случаем, благодарим д-ра Бобана Чурича за ценное указание, имеющее прямое отношение к нашей теме.

¹⁸ Нушич Б. Избр. сочинения: В 4 т. Белград, 1968. Т. 1. С. 158. Далее цит. по этому изд., указывая № стр. в круглых скобках после литеры «с».

¹⁹ Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007. С. 208–212.

²⁰ Попович Т. Указ. соч. С. 426.

²¹ Цит. по изд.: Глигорић В. Позоришта у Србији. С. 3.

²² Здравковић Р. Ревизор код Срба // Покрет. 1902. № 4. С. 86.